

АРИСТИД ИВАНОВИЧ ДОВАТУР: ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО¹

Аристид Иванович Доватур родился 5 ноября 1897 года в городе Рени на Дунае, неподалеку от места, где в него впадает Прут. На другой стороне реки, в этом месте широкой и скорее серой, чем голубой, лежала Румыния, а южнее, дальше, — Греция. С обеими странами Аристида Ивановича связывало кровное родство: мать, София Мария Клеофила Димитриади, была гречанка по отцу и румынка по матери. Впрочем, большое семейство Димитриади с некоторых пор имело российское подданство. Отец Аристида Ивановича, Иван Михайлович Доватур, был русский офицер и таковым себя сознавал, хоть и не забывал своего французско-польского происхождения: в Россию приехал его дед в конце XVIII века. Таков был магнетизм Российского простора: родословные, подобные этой, не были редкостью. И вот в городе, стоящем на старинной границе средиземноморского и северного мира, родился Аристид Иванович, которому предстояло потрудиться, чтобы на севере говорить о прошлом юга. Неся в себе средиземноморское прошлое, он стал россиянином, и его ждала русская судьба.

Начатки образования Аристид Иванович получил в многоязычной домашней среде. В родном доме Аристида Ивановича в Рени говорили по-французски или по-румынски; греческий служил тайным языком взрослых; русским пользовались реже. Аристид Иванович вспоминает эпизод, наглядно показывающий эту лингвистическую обстановку. Как-то он дремал, пока в соседней комнате мама и тетя Лукреция (ее сын, двоюродный брат Аристида Ивановича, Александр Николаевич Дейч — известный пулковский астроном, присутствует на сегодняшнем празднестве) вместе писали письмо — по-русски!: «Мы встретили на улице Вашего папа ... нет, нет: Ваш папа ... или Вашу папу? Оставим так, потом спросим у Аристида...» (как видим, Аристид Иванович имел филологический авторитет уже

тогда). После паузы Аристид услышал возглас: «Лукреция, я знаю: Мы встретили на улице Вашему папу». Это и была окончательная редакция.

Затем Аристид Иванович оказывается в Варшаве, где служил тогда отец, и учится в Первой русской гимназии, имевшей хорошую репутацию, достаточно однородный контингент учащихся и, наконец, педагогов знающих и большей частью умелых, таких, например, как Андрей Николаевич Сиротинин — русист, переводчик Феокрита и славянофил. Так был заложен прочный фундамент гуманитарных знаний, тогда же было воспитано уважение и к другим научным дисциплинам. Гимназия не стеснялась развивать память, а опасения некоторых, что это вредит силе и живости ума, очевидным для нас образом оказываются надуманными.

Исполнительность и чувство долга, имевшие у Аристида Ивановича семейную основу, были укреплены и получили с годами незыблемый и, в сущности, героический характер. Один случай из гимназических лет Аристида Ивановича показывает, сколь рано сложилась в нем та черта, по которой так легко узнать его во все периоды жизни. Дело в том, что в мае 1910 года ожидалось прохождение Земли через хвост кометы Галлея. Обитатели варшавского гимназического пансиона расшалились — взрослые поговаривали о возможности планетарной катастрофы, и детям показалось, что эсхатологическая обстановка снимает с них обязанность готовиться к урокам. Надевали простыни, веселились, пугая друг друга и не помышляя о классах сомнительного завтрашнего дня. Среди немногих, кто решил на всякий случай приготовить задание по латыни и математике, был гимназист Доватур. На другой день хвостатая «планета» уже не грозила, мир возвращался к обычным занятиям, и человек, несший в себе загадочно-оптимистическую идею порядка и культуры, мог не стыдиться за себя. Духовная форма уже окрепла и такой сохранилась навсегда с некой, — пожалуй, даже беспечной — стойкостью.

Мировая война помешала закончить гимназический курс в Варшаве. Вместе с матерью Аристид Иванович переезжает в Саратов и, закончив курс в саратовской гимназии, в 1915 году поступает на историко-филологический факультет уни-

верситета св. Владимира в Киеве. Сфера интересов Аристида Ивановича в эту пору широка и еще не определена; выбор будущей специальности приходит не сразу. Сначала его избранница — история Франции; из древней истории привлекал Египет. Наряду с этим шло, впрочем, не только чтение латинских авторов, но и занятия древнегреческим у грециста С. С. Дложевского. Этот ученый написал, кажется, немного; его работы обнаруживают взыскательного филолога, со статьями которого, учтенными в библиографии А. И. Воронкова, всякий познакомится с пользой для себя. Спустя два года, получив свидетельство о прохождении части курса в университете св. Владимира, Аристид Иванович становится студентом молодого Саратовского университета, многими узами связанного с университетом Петроградским. В Саратов приезжают С. И. Протасова и София Венедиктовна Меликова — бестужевки, прошедшие стажировку в Берлине у Э. Майера, У. Виламовица и Э. Нордена. Под их влиянием (особенно С. В. Меликовой-Толстой) Аристид Иванович делает выбор, оказавшийся окончательным и счастливым — как для него, так и для отечественной классической филологии. За сочинение, поданное по окончании университета («Личность и деятельность Солона в историческом предании»), Аристид Иванович получает золотую медаль. Там же, в Саратовском университете, Аристид Иванович в течение года занимался у приехавшей на Волгу в качестве лектора М. Е. Сергеенко. Тогда читали Гомера, а дружество сохранилось навсегда. К этому времени складывается и характерное для Аристида Ивановича понимание единства историко-филологического метода, которое сам он так поясняет своим ученикам: «Историк, пренебрегающий филологией, витает в воздухе; несведущий в истории филолог прижат к земле».

Для подготовки упомянутого выше конкурсного сочинения Аристид Иванович был командирован в книгохранилища Петрограда и приписан к Петроградскому университету. С 1922 года он считается оставленным при этом университете и здесь принимает участие в семинарах А. И. Малевича, С. А. Жебелева и И. И. Толстого (в будущем академика). В 20-е годы, вплоть до воскрешения кафедры классической

филологии, это часто бывали *privatissima*. Академически суровый С. А. Жебелев в большой мере определил круг основных занятий Аристида Ивановича и помог окончательно выработать положительный научный идеал: изучение частных исторических явлений на основании конкретных источников; толкование того, что действительно нуждается в объяснении и — по случаю — способно получить последнее. Требование с определенностью указать на место своего слова в научной традиции выставлялось Жебелевым, конечно, еще и затем, чтобы исследователь научался скромности и тогда, когда это нелегко ему дается. Иначе говоря, это тот самый научный стиль, который свободен и от деперсонализации, о которой мечтают неумеренные поклонники сциентизма в гуманитарном знании, и от чрезмерного поклонения роли отдельного мыслителя в науке, этого свидетельства слабости гуманитарных наук: то, что должны признать все, способен, вообще говоря, открыть всякий, кто, получив надлежащее образование, работает и настойчиво, и правильно. Как раз последнее, впрочем, дает право и на персональную манеру в работе.

У И. И. Толстого Аристид Иванович нашел поощрение своим литературоведческим склонностям: умению схватывать стилистически значимые черты произведения или жанра; уловив характер автора, набросать его живой, а вместе и узнаваемый портрет (нынче можно встретить таких портретистов, которые дают великолепно живые портреты не тех людей). Ученики и молодые друзья Толстого чрезвычайно ценили то, что А. Н. Егунов назвал «интонационным бесмертием Ивана Ивановича». Эти культурные, доброжелательные и веселые интонации воскрешаются и теперь благодаря любовному и, как можно догадываться, достаточно верному воспроизведению их в устах учеников И. И. Толстого. Характерна была и привычка филологов 20-х годов наблюдать черты парадоксальности в культурных обстоятельствах различных, в особенности переломных, эпох. «Мы любили курьезы», — вспоминает Аристид Иванович. В связи с этим *studium absurdum* и литературными, по существу, склонностями надо упомянуть столько же сердечную, сколько деятельную дружбу Аристида Ивановича с Андреем Нико-

лаевичем Егуновым и Александром Васильевичем Болдыревым, — тонкими знатоками литературы, которые показали себя великолепными стилистами. Достойным памятником их содружества (обозначенного в свое время аббревиатурой АБДЕМ) явился коллективный перевод двух из множества прочитанных вместе книг. Мы имеем в виду роман Ахилла Татия «Левкиппа и Клитофонт» (М., 1925) и «Эфиопику» Гелиодора (издание Academia, 1932) — в последней Аристиду Ивановичу принадлежит перевод 2-й и 9-й книг. На этих чтениях любил бывать и получающий теперь все большую известность Константин Вагинов, певец «Козлиной песни»; в те же годы Аристид Иванович узнал и Якова Марковича Боровского, который уже тогда был тонким филологом и суверенным знатоком древних языков.

Однако, как ни далека наука от жизни, научную деятельность можно осуществить только в последней, и это бывает не всегда одинаково легко. До (частичного) возрождения кафедры классической филологии в Ленинградском университете нашим классикам важно было не утратить чувства принадлежности к своей взыскательной науке, а чувство это необходимо для того, чтобы нести бремя профессионально-гуманистической ответственности. За годы, которые можно считать чем-то отдаленно похожими на нынешнюю аспирантуру, Аристид Иванович выступил с двумя докладами — «О мнимых обратных заключениях в "Политике" Аристотеля» (через 40 лет это исследование вошло в книгу) и «Фрагмент "Боттиэйской Политии" Аристотеля». Определенного статуса, стипендий у филологов-классиков в ту пору не было. Собирались в Институте литературы и языков Запада и Востока (Болдырев называл это *West-Östlicher Diwan*) и дома у профессоров. С 1924 по 1926 год Аристид Иванович учится на Библиотечных курсах при Публичной библиотеке, куда был принят на службу еще до окончания их. Аристид Иванович тепло вспоминает эти годы и обстановку в библиотеке, пока ее директором был Иннокентий Иванович Яковкин; там служили тогда же М. Е. Сергеев и И. М. Тронский, чтобы назвать только классиков. В 1933, если не ошибаемся, году Аристид Иванович был

вынужден покинуть Публичную библиотеку, но мог некоторое время служить в Библиотеке Академии наук.

Между тем в 1932 году в университете наконец вновь открывается кафедра классической филологии, и с 1933 года Аристид Иванович деятельно и с заметным успехом начинает преподавать, участвуя, конечно, и в научной работе кафедры. Впрочем, уже в 1935 году Аристид Иванович был выслан в Саратов, где ему разрешено было некоторое время вести преподавание в университете. Через два года, в разгар репрессий, он попадает в лагерь Горьковской области (станция Сухо-Безводное, Унжлаг). В течение десяти лет (1937—1947), находясь в труднейших условиях, Аристид Иванович не отказывается, однако, от филологии. Именно тогда и там он обдумывает и вынашивает одну из самых ярких своих работ — «Оргеториг и Ариовист», опубликованную только в 1957 году, — о целях, какие преследовал Цезарь в своих внешне столь объективных «Записках о Галльской войне». Последующие несколько лет Аристид Иванович имеет «право» на проживание в Луге, постепенно возвращаясь к прерванной в расцвете сил научной деятельности.

В Луге Аристид Иванович получает разрешение готовиться к кандидатским экзаменам (тут помогли хлопоты акад. И.И.Толстого) и выполняет ряд работ для Академии наук по рекомендации старых и добрых друзей; здесь же он пишет кандидатскую диссертацию «Повествовательный и научный стиль Геродота», которую защищает в 1952 году. С 1954 года Аристид Иванович получает почасовую работу на филологическом факультете Ленинградского университета, в 1955 становится сотрудником кафедры классической филологии, а с 1957 по 1971 год — заведующим ею. Заведование кафедрой показало, что Аристид Иванович не напрасно начинал с изучения французского абсолютистского двора: время раскрыло меру его дипломатического искусства. В эти годы Аристид Иванович много занят административными делами, его деятельность особенно многообразна, а энергия неисчерпаема. В 1957 году выходит книга о Геродоте, основанная на кандидатской диссертации. В момент появления первой книги Аристиду Ивановичу — 60 лет. До этого времени им опубликовано тридцать печатных работ, из

которых более половины приходится на 20—30-е годы. Сегодня библиография трудов Аристида Ивановича, подготовленная его учениками, содержит более ста номеров.

Таким образом, 70 работ Аристида Ивановича появились уже после того, как ему исполнилось 60 лет.² Может ли быть что-нибудь красноречивее? Окончив Геродота, среди многих и важных забот Аристид Иванович сразу же предпринимает и в сравнительно короткий срок завершает другое сочинение — «“Политика” и “Политии” Аристотеля». В апреле 1964 года оно защищено как докторская диссертация, а в 1965 году издано в виде книги, которая 31 января 1966 года была удостоена Первой университетской премии. Тогда же увидел свет *Корпус боспорских надписей* (СІВВ), в обработке и издании которого Аристиду Ивановичу принадлежит весьма видное место. В эти же годы предпринята серия работ о *Scriptores Historiae Augustae* и Геродиане-историке (а не историке Геродиане, как упорно печатают издатели). Эти статьи, обзоры, рецензии и редактирование выполненного совместно с учениками перевода того же Геродиана — явная попытка в известном смысле воскресить АБДЕМ 20-х годов.

1970-е годы ознаменованы участием Аристида Ивановича в подготовке другого важного труда — комментированного издания «Скифского логоса» — той части труда Геродота, в которой мнение русских ученых имеет больше всего оснований оказаться значительным и — рано или поздно — привлечь внимание всех историков античности. Эту работу Аристид Иванович выполнил уже как сотрудник античной группы ЛОИИ, где он стал профессором-консультантом с 1971 года. Там же им подготовлены материалы по истории античного рабства, там же задумана *Sylloge inscriptionum* — собрание наиболее интересных надписей, относящихся к Северному Причерноморью; наиболее значительные тексты должны быть, по его замыслу, прокомментированы особенно тщательно. Большой размах получило в эти годы редактирование переводов, из которых особенного упоминания заслуживает редакция перевода Аристотелевой «Политики», выполненного когда-то учителем Аристида Ивановича С. А. Жебелевым.

Определяя основные научные интересы и направления работы Аристида Ивановича, следует выделить следующие циклы.

1. *(Ранне)греческая историография* и в особенности политическая мысль ранних греческих историков; впрочем, этим работам Аристида Ивановича всегда сопутствует рассмотрение нравственной рефлексии и теодицеи как у Геродота, так и в греческой элегии. Тут вспоминается анализ представления о зависти богов у Геродота и работа о «Наследственной вине в представлении Солона, Феогнида, Эсхила» (1977). Таким образом, изучение Геродота и политических сочинений Аристотеля внутренне соединяется с давним интересом Аристида Ивановича к Солону — вспомним студенческое сочинение Аристида Ивановича, удостоенное медали на заре его академической юности в Саратовском университете.

2. *(Поздне)римская историография*. Здесь Аристид Иванович дал серию обзоров и рецензий на исследования, посвященные вопросам об источниках и атрибуции тех или иных исторических сочинений или версий. Благодаря его инициативе или участию в роли редактора всем интересующимся историей позднего Рима стали доступны на русском языке *Scriptores Historiae Augustae* и Геродиан, переписка Цицерона времен «бурь гражданских» и щегольские письма Плиния Младшего.

3. *Эпиграфика*, особенно севернопричерноморская; здесь главное — упоминавшийся уже CIRB и занимающая Аристида Ивановича в настоящий момент *Sylloge*.

4. Уже из предыдущего видно, что *переводы и редактирование переводов* занимают видное место в деятельности Аристида Ивановича. Кроме названных только что, напомним об участии его в абдемовском перенесении на русскую литературную почву романов Ахилла Татия и Гелиодора, как и в научно ответственном переводе выдержек из античных грамматиков (30-е годы).

5. Наконец — здесь мы вступаем в еще одну область, для филолога-классика весьма примечательную, — Аристиду Ивановичу свойствен интерес и к *новолатинским научным текстам*, в чем выразилась его привязанность к истории

новоевропейской науки. Это и различные материалы по истории Петербургской Академии наук (участие в издании собрания сочинений М. В. Ломоносова), и перевод большой книги Гильберта «О магните», и постоянное сочувствие и содействие работам других в этой области.

Мы думаем, что выделили главное, хотя и не исчерпали всего многообразия научных занятий нашего учителя. Было уже сказано, да и вообще достаточно известно, что Аристид Иванович продолжил и развивает ту историко-филологическую школу, которая в нашем университете связывается прежде всего с именем С. А. Жебелева, а еще раньше — с учителем последнего Федором Федоровичем Соколовым. В центре интересов этой научной школы стоит исследование государственных древностей и политической истории, проводимое непременно на основе детального истолкования соответствующих античных литературных и документальных свидетельств. Разумеется, высоко оценивая эту школу, мы не должны понимать приверженность ей в смысле отказа от других задач или отрицания их великого значения — возьмем хотя бы широкие историко-археологические полотна Михаила Ивановича Ростовцева или филологическую в более тесном смысле слова линию Ф. Ф. Зелинского, а именно всестороннее толкование художественных текстов, исследование метрики, построение связной литературной истории — линию, которая была у Ф. Ф. Зелинского восполнена масштабным интересом к истории эллинских религиозных форм. Важнее другое: если выбор предпочтительного круга тем и излюбленных способов работы, в сущности, есть разумный ответ на ограниченность человеческих возможностей, то достоинство той или иной школы нужно искать не в том, что есть вещи, на которые она не смотрит, а в том, как она справляется с тем, что взялась рассматривать. И в этом смысле школа, к которой относит себя сам Аристид Иванович, имеет право на общее признание. Эта школа не любит даже и добросовестного блуждания в лабиринте собственной мысли; ей чужда мечта с помощью малого узнать, а чаще всего пообещать, слишком многое. На избранном материале это направление показывает, что представляет собой изу-

чаемый материал, что он способен дать и как надлежит с ним обходиться.

Желанной для ученого общезначимости достигнутых результатов представителям петербургской школы удавалось добиться неоднократно. И если в связи с этим научным направлением иногда говорили (и теперь снова говорят) о фактопоклонничестве и о каком-то сугубом позитивизме, то вели себя, на наш взгляд, не только неблагодарно, но и близоруко. Поклонение факту не есть отрицание теории, потому что факты не даны, а лишь устанавливаются как раз с помощью проверки и анализа, и в этом построении реальности для того, кто воссоздает ее, важен не только факт, но и сильное переживание метафизического, если угодно, свойства. Как иначе определить это упорное стремление, невзирая на труд и вечное сомнение, усмотреть в хаотичной гряде сохранившихся текстов — этих языковых слепков отрывочной, гениальной, дживой, заторможенной человеческой мысли — обманчивый, часто причудливый и все время ускользающий контур былой действительности? Позитивизм это или нет, но науке нужно именно это, потому что это — дух науки. Признавая образцовое значение той школы, которую Аристид Иванович представляет своим творчеством, необходимо отметить, что его отличает в ней, пожалуй, акцент на индивидуальном стиле авторов и острота в восприятии парадоксов культурной психологии — черты, свойственные ему индивидуально, но и характерные для его поколения.

В своих сочинениях Аристид Иванович редко формулирует заявления по вопросам метода — он просто его показывает. В докладах (два доклада ежегодно у филологов, а в двух местах, где обитают историки, — каждый год по одному) метод бывает чуть более подчеркнут. Зато при обсуждении докладов своих коллег, особенно младших и в особенности своих учеников, Аристид Иванович высказывается об этом определеннее. Понятно, почему это так: именно в этом случае декларация метода не избыточна и служит не спорам среди коллег, а усовершенствованию обсуждаемой работы. В сущности, Аристид Иванович последовательно отстаивает в плане методологии не что иное, как давно

сформировавшийся и по-своему классический историко-филологический метод, которым он так мастерски владеет и который так заразительно любит. Беда только, что метод нельзя усвоить сразу, хотя бы и под руководством большого знатока и умельца, а нужно наблюдать и пробовать свои силы в течение многих лет, совершенствоваться же в нем приходится всегда. Основой метода является, нам кажется, личность в ее стремлении суметь благодаря использованию выработанных веками приемов интеллектуально соединиться с личностями различных эпох. Иными словами, историко-филологический метод не только связан с восходящей к самой классической древности гуманистической традицией, не только вырос из нее, но прежде всего в ней имеет свое реальное содержание и силу. Черты самой древности (особенно всепроникающий эллинский плюрализм), гуманистическое Возрождение и окрепший в новое время историко-филологический метод в некотором смысле являют собой и ряд развивающихся форм, и необходимое восполнение друг друга.

Связь Аристида Ивановича с этой всечеловеческой гуманистической традицией несомненна для всякого, кто способен наблюдать. Характерна, например, склонность, не нарушая серьезности, а лишь обогащая ее, устанавливать видимый только для друзей личный смысл того, что само по себе имеет законченную цельность и ценность. Это делается иногда с тем, чтобы через работу укрепить себя. Так, в упомянутой нами статье о тенденциозности Юлия Цезаря Аристид Иванович, сам находясь в заключении, отвечал на вопрос, поставленный изгнанником Св. Елены. Так и в недавнем докладе о споре Мимнерма и Солона о предпочтительном сроке человеческой жизни³ Аристид Иванович с безупречной объективностью разобрал филологические вопросы, связанные с толкованием реплик двух эллинских поэтов, но слушатели могли сверх этого, глядя на докладчика, восьмидесятилетие которого тогда приближалось, (положительно) решить для себя спор о том, стоит ли человеку брать восьмидесятилетний рубеж. Наука не заменяется, но восполняется игрой, сила жить укрепляется радостью жизни.

К гуманистическому устремлению Аристидова Ивановича нужно возвести и влияние на учеников, будь то самых младших, узнающих от него начала латинского или, чаще, греческого языка, будь то несколько более взрослых, в студенческом научном кружке, который через год или два проведет свое 150-е заседание,⁴ или, наконец, тех, кто уже пробует свои силы в науке. Что всех их немало, можно убедиться, взглянув на сегодняшнее собрание. Не стоит рассказывать знающим, как приветлив Аристид Иванович к тем, кого взялся учить и воспитывать, — есть что-то особенное в этом чувстве взыскательного равенства, которое поселяет в собеседнике совершенная естественность и веселая пронизательность Аристидова Ивановича. Надо отметить, что Аристид Иванович как-то не ищет таких положений, в которых были бы заметны сразу все его достоинства или все его значение. Видно, что он ищет славы не у людей, а в самих делах. Вообще Аристиду Ивановичу свойственно не только молодое, а именно юное ощущение жизни, в котором чудится иногда что-то гимназическое. Уважение к вечности не гасит в нем радости минуты. И как же счастливо, в конечном счете, распорядилась судьба: благорасположение Аристидова Ивановича к молодежи сказалось в тот самый момент, когда та более всего нуждалась именно в таком непринужденно-требовательном воспитании. По счастью, получилось так, что и академическая молодежь сумела оценить это, как бы даже непомерное (с непривычки!) внимание и дружественность в человеке, столь много опередившем ее не годами только, но и заслугами, сведениями и дарованиями. Аристид Иванович связывает авторитет не с тем, чтобы ставить себя вне критики, а с тем, чтобы выстаивать перед ней. И в писаниях Аристидова Ивановича, и в руководимом им студенческом кружке воспитывается вкус и глаз на сверхличный авторитет, который принадлежит не отдельным, пусть даже выдающимся личностям, но ученому сообществу в целом.

Если попытаться одним словом определить то, на чем стоит деятельность Аристидова Ивановича, его наука и его педагогика, его природное самочувствие и идеал, которому он служит, то это сильное и значительное слово — дисципли-

на. Это она соединяет в себе готовое знание и знание нарождающееся; это она руководствует талант на пути к достижению — ведь подлинные достижения в науке требуют самого трудного усилия, а именно усилия длительного, иногда очень длительного. Только дисциплинированный человек способен сочетать признание авторитета традиции с духом собственной предприимчивости; он один готов, боготворя свободу, связать себя оковами добровольно признанных обязательных правил.

Дисциплина объясняет в Аристиде Ивановиче многое: идет она, очень может быть, от понятия о воинской чести, которое он еще ребенком мог составить, наблюдая отца. Это отсюда рождается презрение, пусть смягчаемое внешне, ко всякому, кто не держит слова; далекая от всего административного брезгливость к нарушению сроков, включая опоздание; пренебрежение к погоде или к похожим на нее своей переменчивостью мимолетным настроениям; отсюда же как-то неприемлемы для него и телесные недомогания. Не склонный слишком пристально вглядываться в таинственное, Аристид Иванович и в науке склонен видеть не магическое, не гениальное или мятежное, а ответственность и простоту, сдобренные, надо признать, артистической живостью и почти всегда безошибочной интуицией. Именно дисциплина позволяла и позволяет Аристиду Ивановичу по-солдатски бодро нести взятое на себя бремя — чувство долга не убивает в нем радости. Как истинный южанин, любящий свою *petite patrie*, Аристид Иванович гордится тем, что открытая его братом-астрономом малая планета получила теперь имя родного им обоим города Рени. Мы хотим, однако, надеяться, что чествуемый сегодня наставник не посетует, если мы, признавая, что он прославил свою дунайскую родину,⁵ все-таки считаем Аристидова Ивановича Доватура незаменимым украшением невских берегов.

Примечания

¹ Доклад прочитан на юбилейном заседании филологического факультета Ленинградского университета 16 XI 1977.

² После 1977 г., когда была произнесена эта речь, библиография Аристидова Ивановича пополнилась еще несколькими десятками номеров. См. обрабо-

танную и дополненную А. Н. Васильевым библиографию работ А. И. Доватура, помещенную в книге: Доватур А. И. Феогнид и его время. Л., 1989. С.182—190. Наиболее полное описание работ, трудов и дней А. И. Доватура, а также материалов его архива, хранящегося в Петербургском отделении Института Российской истории РАН, готовит А. Н. Васильев в библиографической брошюре, посвященной специально А. И. Доватуру.

³ Статья на эту тему «Солон и Мимнерм: Поэтическая полемика по поводу различного восприятия жизни» вышла вскоре после кончины Аристиды Ивановича в сб. «Традиции и новаторство в античной литературе» (Philologia classica. Вып.2 / Отв.ред. Ю.В.Откупщиков. Л., 1982), а позже воспроизведена еще раз в книге: Доватур А. И. Феогнид и его время... С.118—124.

⁴ Уже после того как А. И. Доватура не стало, было проведено 200-е заседание СНО кафедры классической филологии — кружка, научное значение которого становится ясным именно сейчас.

⁵ Уже около 10 лет в городе Рени на доме, в котором когда-то жили А. И. Доватур и А. Н. Дейч, стараниями археолога и краеведа В. М. Кожокару и при участии ленинградских учеников А. И. Доватура установлена мемориальная доска. См. также: Кожокару В. М. История одной семьи // Придунайская искра. 1987. 26 декабря. № 154. — В Рени периодически устраиваются научные конференции памяти А. И. Доватура (см.: ВДИ. 1990. № 4. С.229; 1992. № 3. С.232).